

Приближался конец шестинедельного срока, и моя тетя решила провести его в монастыре. Поэтому 15 августа мы покинули Званку, отправившись по воде. Сначала — к госпоже Кожевниковой, а шестнадцатого к семи часам вечера мы увидели монастырь, поднимавшийся на высокой горе, купола которого были еще освещены лучами заходящего солнца. Архиепископ, предупрежденный моей тетей о нашем приезде, приказал звонить вечернюю службу, как только заметил нашу лодку, предполагая, что тетя сразу же зайдет в церковь. Звук этих колоколов, вид монастыря, это спокойствие природы, это солнце, исчезающее из виду, тысячи воспоминаний о моем дяде сразу предстали, и, не пытаясь больше удерживать свои слезы, которые душили меня, я встала так, чтобы никто меня не видел, а видел только монастырь, к которому мы медленно подходили. Как прекрасна эта религия, которая в самом глубоком нашем страдании заставляет предвидеть скорый и неизбежный союз с лицом, которое мы оплакиваем, которая дает нам абсолютную веру. Сколь скорбь и слезы, которые она оставляет после себя на земле, имеют право на божественное и вечное блаженство.

На следующее утро моя тетя пошла послушать службу, после которой должны были служить молебен в память о дяде. Я очень опасалась за нее, но Бог ее укрепил. На коленях, рядом со мной, она молилась с таким жаром, что, казалось, обо всем забыла, слезы ее не переставали литься, скоро при имени *болярина Гавриила* вся церковь наполнилась рыданиями: казалось, все оплакивали отца. Все молились за эту душу, такую дорогую, навсегда наслаждающуюся вечным блаженством. Как только служба и молебен были закончены, моя тетя снова проявила спокойствие в своей боли и захотела даже принять участие в наших разговорах. Но время от времени казалось, что она нас не слышит и замыкается в себе. Было два часа, мой брат приказал накрыть к обеду, и в тот момент, когда готовились есть суп, тетя попросила слова, как если бы она не могла это больше держать в себе и хотела рассказать. Прерывающимся от слез голосом она рассказала нам следующее: *«Представьте себе, что случилось со мною во время молитвы моей. Я молилась за него и стояла подле тебя, Паша, на коленях и очень плакала. Вдруг мне показалось, что уже вас никого тут нет и наместо иконостаса, пред которым прежде мы все стояли, вижу я Христа одного. Не знаю, он ли сам, или изображение его, но только стоим мы двое с мамичкой перед ним. Мамичка стоял по правую руку, лицо такое спокойное, но бледное, голова нагнувшаяся, со сложенными на груди руками, как бы во время молитвы, во всех его чертах видна была какая-то необыкновенная покорность, но вместе с тем и спокойствие, он точно стоял как бы перед своим судьейю. Я же на коленях*